

АЛЕКСАНДРА НАРИН

Фабрика
колыбельных
песен

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н28

Редактор серии *А. Цыганкова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Нарин, Александра.
Н28 Фабрика колыбельных песен: [роман] / Александра Нарин. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-225591-5

Где-то далеко, в краю, где земля усыпана лепестками жасмина, а воздух наполнен ароматом специй и пепла, сошлись две женщины. Одна из них мечтает стать матерью, но ее тело, отравленное ядом техногенной катастрофы еще в детстве, не может выносить дитя. Другая бежит из родного дома с ребенком под сердцем — без плана, без опоры, без уверенности в завтрашнем дне.

Среди узких запутанных улиц города есть клиника, где десятилетиями помогают таким, как они: одним — обрести семью, другим — надежду на более устроенную жизнь. Но однажды отлаженный механизм дает сбой. Как в притче о царе Соломоне, женщины оказываются по разные стороны истины в мучительном споре: кто из них настоящая мать? Та, чье тело выносило младенца? Или та, чья душа готова на всё ради него?

«Фабрика колыбельных песен» — философский роман-мозаика о цене материнства, справедливости, любви и свободе. История звучит голосами всех участников, но окончательное решение — кто прав — останется за читателем.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225591-5

© Нарин А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

В ОТРАВЛЕННЫХ ОБЛАКАХ

Гаятри рассказывает
о своей семье и Фатиме

*Стайка женщин вошла
В занавешенное пространство,
Отрезанное от материка,
Они принесли лепестки редкой красоты,
У одного не сформировано сердце...*

Аниндита Саркар

1

Вымотанная за ночь, я собиралась на работу, густо наносила пудру, подводила глаза, клеила точку бинди на лоб и с ужасом думала о том, как понесу Девкику младшей невестке. Даже если дочка мирно спала, я шла в большой дом точно на казнь.

— Супрабхат¹, сестрица, — говорила я робко.

— Супрабхат, — бросала младшая невестка. Видно было, что и она издёргана, собирает своим сыновьям завтрак, а школьный кеб уже едет по переулку. — Положи её на софу, провожу мальчиков и возьму.

— Спасибо тебе, сестрица, — бормотала я, опуская дочь на гору мятого белья, и выходила, стараясь быть незаметной, молясь, чтоб Девика не раскричалась.

Если бы Джатин не заболел, разве пришлось бы мне работать?

---

¹ Доброе утро (хинди).

До рождения дочери мы с Джатином представляли семейные прогулки, пикники на траве, качели из баньяновых корней, купание в розовом тазу, покупку маленьких браслетов и платьев. Всё оказалось не так. Жизнь проносилась в ядовитом тумане. Но это не значит, что я не любила дочку. Я не представляла своей жизни без неё, готова была стерпеть всё. В выходные я носила её на руках в магазин, покупала разные игрушки для младенцев. Эти дни были похожи на проблески счастья, хотя Девика заливалась и орала, теряя голос. Ни бутылочка, ни укачивание не утоляли её огромного горя.

В тот день я была настолько обессилена её ночными криками, что мне хотелось прийти на вокзал, лечь в зале ожидания и провалиться в сон до самого вечера. Спать под стук колёс, под электрический голос, объявляющий о прибытии поездов. Но нужно было сдавать просроченный проект. Шеф постоянно меня ругал, забыв обо всей хорошей работе, которую я выполняла раньше. Мне было так грустно, жалость к себе мутной водой стояла в сердце: меня едва терпят во всём мире, я нужна только Джатину и Девике, и ради них я борюсь, хотя кровь едва циркулирует.

На работе я закрылась в кабинке туалета и, положив голову на колени, немного поспала. Мне даже стало легче, и я закончила проект конференц-зала гостиницы. Едва пережив остаток дня в офисе, заехала в госпиталь к моему дорогому мужу и вернулась

домой. Сунула руку между решётками, подняла засов калитки.

Страшная тишина обрушилась на меня, как пощёчина. В окнах застряла темнота, двери были закрыты. Не слышно ссор племянников, рокота телевизора, разговоров. Я шагнула внутрь — никого. Полоска света рассекла комнату пополам. Слабый сквозняк прошёл по дому, коснулся занавесок, страниц в журналах.

Из своей каморки показалась, ковыляя, тётка Джатина.

— Украли девочку, — сказала она, — наши поехали в участок. Только Джатину не говори, не сообщай пока, ему и так несладко. А тебе нечего было заводить игрушку, раз она не нужна.

Пульс стал таким громким, вот-вот разобьёт череп. Я быстрым шагом бросилась через кварталы. Мужчины на мотоциклах тарасились на меня, единственную женщину на улице в этот час. Я ворвалась в грязную темноту парка, посреди которого торчал уродливый глобус. Обошла этот глобус, с нелепой надеждой найти хоть что-нибудь — носочек или шапочку.

Они всегда гуляли в этом парке, глупая младшая невестка, её сыновья и моя дочка. Пока эта идиотка отвлеклась, Девиду унесли. Конечно, невестка не следила, ведь это не её ребёнок; наверно, она даже была рада, что малышку забрали.

Я знала, что полиция ничего не сделает. Зря наши пошли туда, только потеряли время. Я вернулась домой и позвонила по номеру, который за девять месяцев выучила наизусть, сказала, что заплачу за помощь.

2

Моего дорогого мужа я знала ещё до рождения. Наши дома стояли рядом в Талси-нагар. Отцы и дядюшки вместе ходили в чайную, играли в карром¹ и в карты. Старики выносили табуретки и сидели у дверей до ночи, женщины вместе смотрели телевизор.

Я плавала в животе, слушала, как моя мама жуёт и глотает жареное тесто, а Джатин елозит на коленях своей матери. «Пойдём в парк, сестрица, пусть Джатин побегает», — говорила моя мама, и мы шли в конец квартала — там находился парк. Меня начало в околоплодных водах, как рыбку в полиэтиленовом пакете. Я слышала, что Джатин кричит и смеётся, гоняется за белочками и попугаями. Мы с ним были близкими людьми уже тогда, до моего появления, и потом, когда играли в тени наших домов. И после, когда нас навечно сблизил яд одной декабрьской ночи.

---

¹ Индийская настольная игра, «бильярд на пальцах».

В ту бесконечную ночь медленные ветры дули на север. Шакти-нагар, колония Рисладар, дома у железнодорожной станции стали районами мёртвых. Хуже всех пришлось жителям трущоб у подножия фабрики — они очутились внутри облака.

Нашим семьям хватило ума не идти в кварталы, на которые «Юнион Карбайд»¹ выворачивало токсичной рвотой. Хотя отравка затекала в узкие переулки, окна, щели, мы не погибли, как жители северных районов. Наши дома находились на западе города, и это нас спасло.

В ту тихую ночь я спала на полу у кровати мамы и папы. Соседи постучали в дверь, стали звать отца. Голоса были знакомыми и не испугали нас. Родители поднялись, перешагнули через меня и открыли дверь. Я тоже встала, ступила босиком на бетонное крылечко. По улицам крался нежный туман. Свет в храме превратился в зыбкую точку. Фонарь над входом в дом Джатина растёкся в блёклое пятно.

На мгновение я застыла от волшебства и таинственной красоты. Но тут же мне обожгло глаза, будто кто-то рассыпал в воздухе специи. У меня запершило в горле, взрослые тоже закашляли, стали тереть веки.

---

¹ Химический завод по производству пестицидов в городе Бхопал, принадлежащий американской компании «Юнион Карбайд». В результате аварии на заводе в воздухе оказался метилизоцианат, смертельно опасное высокотоксичное ядовитое вещество.

Острая приправа проникла в грудь, на сетчатку глаз, попала в кровь. Взрослые говорили, что где-то горит склад пряностей.

Тогда ещё никто не думал на фабрику. «Юнион Карбайд» в то время не был чем-то важным — обычный завод среди города. На него никто не обращал внимания, если не работал там. Но именно фабрика прославилась Бхопал, Город озёр, а вовсе не его поэтическая природа и древние мечети.

3

В ту долгую ночь воздух был густым, заколдованным. Весь город плавал в околоплодных водах. По улице скользили полутени, образы людей. Их становилось всё больше, они сливались в рыхлую массу, покрашенную тьмой и туманом, текли на север, к больнице, к вокзалу. Кто-то из мужчин нашей семьи, опасаясь смятения толпы и паники, решил, что нужно идти в другую сторону.

Мы ничего не взяли с собой, думали, что вернёмся утром. Тогда никто не думал о вещах. Да и дома внутри заволочло, ничего нельзя было отыскать.

Мы двинулись на трассу, за город, прижимаясь к стенам домов, чтобы нас не смели толпы. Я уже забыла, а Джатин говорил, что было очень холодно, но в то же время холод был словно где-то далеко. Меня и Джатина закутали в большие куртки взрослых и по-

несли на руках. Казалось, что мы пьём огонь. Лицо чесалось, словно от прикосновения к ядовитой траве.

Люди вокруг теряли сознание. Невестка из семьи Джатина сказала, что больше не может идти, её муж остался с ней. Больше их никогда не видели, даже тела исчезли. Моей маме было труднее всех, она останавливалась, сжимала пальцами мутный воздух. Она ждала тогда второго ребёнка. Это был мальчик, братик. Я читала потом, что плоды мужского пола умирали гораздо чаще, как более уязвимые и восприимчивые к потрясениям. В газете, которую я нашла в офисе общины, было написано так: «При любом внутриутробном шоке вероятность потери плода мужского пола выше». Когда я прочитала это, то порадовалась, что мой любимый муж к тому времени уже родился, успел стать самостоятельным существом.

4

Отец оторвал кусок своей рубашки, намочил в уличном кране и повязал маме на лицо. Мы продолжали идти сквозь агонизирующий город. В голове что-то нарушилось, я не воспринимала происходящего вокруг. Под ногами валялись потерянные туфли, шали. Умирующие собаки сучили лапами на земле. Бабушку вырвало, и для меня это оказалось страшней, чем задыхающиеся толпы. Мама совсем потеряла силы, отец поволочил её на себе. Люди опускались

у стен, заходили в чужие дома и ложились там на пол. Джатин помнит, как один человек лёг на землю и засыпал себя листьями и мусором.

Мои глаза уже едва видели, яд забрался под веки. Я хотела, чтоб меня положили в колодец или выкопали мне яму глубоко в земле, только бы перестало жечь кожу, горло и глаза.

Внезапно сгустки тумана рассёк свет фар — ехал грузовик. Наши отцы и дядюшки стали кричать, хрипло, будто вороны. Я боялась, что их крик не достигнет шофёра. Но тот остановился и посадил нас. В кузове была женщина, она лежала в тёмной луже. Нам с Джатином велели отвернуться. Наши женщины завозились вокруг той, пытаюсь помочь. Джатин держал меня за руку, я чувствовала, как ослабли его пальцы. Ночь по-прежнему казалась трагически волшебной.

Проехал джип, кто-то объявил в громкоговоритель: «Возвращайтесь домой, закройте окна. Мы контролируем ситуацию». Никто не слушал. А даже если слышал, то не понимал смысла слов. Вернуться было невозможно, каждый шаг причинял боль.

Внизу, у колёс грузовика, в тумане шевелились человеческие существа, закутанные в одеяла, похожие на призраков. Наш водитель больше не останавливался. Видно, хотел спасти свою жизнь. К рассвету он вывез нас на междугороднюю трассу. Мы сошли у ближайших домов.

В красном утреннем свете деревья скрючили узловатые ветви без листьев. На обочине лежал мёртвый телёнок. Все плохо видели, глаза превратились в щели на распухшей воспалённой коже. Отец Джатина попросил, чтобы нас впустили в какой-то дом на окраине. Хозяйка хотела дать нам молока, но оно оказалось зелёным, как свежий мох. Она вылила молоко на землю, дала нам чаю, но никто не смог пить — так горело горло.

Вечером мужчины попросили у соседей мопед и поехали в город за вещами. Вернувшись, они сказали, что там всюду тела, их никто не убирает. Все вперемешку: люди, собаки и коровы. Только мухи медленно ползают по ним. Видно, насекомым яд ни почём. Мужчины сказали, что деревья у наших домов засохли и плоды почернели. Больше мы не вернулись в Бхопал. После долгих дней рвоты и слабости мы все перебрались в Лакхнау, примкнули к общине пострадавших от аварии. Там мы и жили, когда случилась эта история с Фатимой.

5

Однажды мы с Джатином были в горах, в Уттаракханде¹, и вдруг пошёл снег. Я вытянула руку, на ладонь легли узорные кристаллы, безупречные слё-

---

¹ Уттаракханд — штат на севере Индии, на территории которого находятся горы Гималаи.

зы бога. Я никогда не видела ничего подобного. Смотрела на них, как на самое прекрасное творение, но они стали таять от тепла моей кожи. Я подумала, что наша община подобна этим снежинкам.

Тают и исчезают мужчины и женщины, тихие и незаметные, умирают дети, которые никогда не были в Бхопале, но родились от тех, кто жил там. Иногда смерть перескакивает через поколение, как хищник, и внезапно начинают болеть внуки тех, кто дышал воздухом декабрьской ночи. Уходят активисты, всё меньше людей борются за справедливую компенсацию, пишут разоблачительные статьи, дают интервью. Я боюсь, что однажды мир совсем забудет о нас. Мы держимся вместе, мы дрейфуем, как прокажённые, которых посадили в лодку и отправили в океан.

Мы выручаем друг друга. Помогаем детям с хрупкими вывернутыми конечностями, тем, кто не может отличить день от ночи, с аутизмом, умственными отклонениями и серьёзными трудностями в обучении. Помогаем взрослым с раком сетчатки, всем, кому тяжело работать из-за странного изнеможения. Мы поддерживаем тех, кто потерял близких, а это случается постоянно. Бхопал никогда не останавливается, он пожирает новых и новых людей. Вы понимаете, что значит Бхопал? Он просочился в будущее и кончится только смертью последнего человека.

В то декабрьское утро, обожжённое ядом, мы сидели на полу в чужом доме возле междугородней

трассы. Я расчесала себе уши до крови, Джатин не выходил из туалета. А маме стало совсем плохо, она сжимала зубами пыльную дупатту¹ и смотрела на меня с тоской и жалостью. Врачей и «Скорую помощь» найти было невозможно — все отправились на место аварии. Папа снова попросил у соседей мопед и повёз маму по ближайшим городкам. Они проехали один, другой город, все больницы были переполнены. Тогда они повернули в деревню, где был только ветеринар. Он и принял дитя, но малыш, мой младший братик, крепко спал. Я навсегда осталась единственным ребёнком.

Пока я росла, родители с тревогой думали: «Какой же изъян проявится в нашей Гаятри? Что же с ней будет не так?» В детстве я часто ловила на себе их взгляды: они смотрели, будто ждали, не отрастёт ли у меня хвост, не выпадут ли волосы. Мне было даже смешно: «Ну чего они так боятся?»

Я была здоровой девочкой, внешне не отличалась от других детей. Только кожа желтовата и белки глаз мутные, возможно, из-за ожога. Я чаще простужалась, отставала в школе, даже два раза сходила в пятый класс, но благодаря своему прилежанию справилась с учёбой, окончила колледж. Эти небольшие сложности казались ерундой по сравнению с тем, что происходило в общине, и с теми, кто не смог уехать

---

¹ Длинный шарф, похожий на шаль.